

Сергей Дубинин

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЧУВСТВО ВРЕМЕНИ. НОВАЯ РЕДАКЦИЯ

Ощущение бега времени человеком крайне субъективно. Это не новость. В детстве каждый день бесконечно продолжителен. Зрелый человек течения времени почти не замечает. Дело идет к старости, и ускоряется движение быстротекущей жизни, вызывая сожаление и грусть.

Но и коллективное восприятие потока времени, его направления, также субъективно. Что очень заметно при взгляде на различные этнокультурные традиции. При этом коллективная субъективность изменяется на разных этапах жизни одной и той же культурной общности. Чаще всего констатируется, что вплоть до зарождения мировых монотеистических религий люди воспринимали движение времени как повторяющиеся циклы — «колесо сансары», либо «пиршество за столом Валгаллы» — вечны в своем круговом движении. Затем в иудеохристианской парадигме время стало линейным. После чего история человечества завершалась достойным вознаграждением или заслуженной карой каждого индивидуально.

Атеисты эпохи Просвещения стрелу времени послали в бесконечность. Для них время было детищем прогресса — научного, технического, культурного, социального. Движение происходило в этом нарративе от «темного прошлого» к «светлому будущему». Марксизм довел эту концепцию до логического и просто гротескного конца, объявив прогресс естественно-научным законом и сведя историю к предопределенности перехода человеческого общества к «коммунизму». Правда, и противники коммунизма поступили не лучше. Крах советского блока был объявлен «концом истории». А сегодняшнее состояние общества развитых стран провозглашалось по сути вечным и неизменным — «сияющим градом на холме», венцом исторического прогрессивного развития.

Сегодня мы постоянно ощущаем, что таким теориям не далеко до «смертного греха гордыни». И за этот грех США, например, расплачиваются жизнями молодых американцев, одетых в военную форму. Так же как многократно приходилось платить Советскому Союзу.

I

Человек традиционного общества жил одновременно в нескольких естественных для него циклах. Собственного возраста — рождение, детство, взросление, воинские и трудовые испытания, продолжение рода, старение, смерть. Сельскохозяйственного трудового и природного цикла — подготовка поля, сев, заготовка сена, сбор урожая, подготовка к зиме всех припасов и инвентаря, отгонное скотоводство, охота. Все было подчинено понятной цикличности.

Совершая переходы по жизненному циклу, люди воспринимали перемену занятий и состояний как часть заданной по сути вечной предопределенности. Когда человек уходил в буквальном смысле слова в мир иной, плакальщицы над ним причитали: «На конях-то ли выедешь, на травах-то ли вырастешь, на цветках-то ли выцветешь, с рек-то ли да быстрых, с озер-то ли широких...»¹. Таким образом, человека ждал иной, новый, цикл новой жизни в новом теле.

Смена язычества одной из религий откровения постепенно, но глубоко изменяло чувство времени. Будущее оказывалось строго предопределенным — в конце человеческого бытия всех ждал Страшный суд и наказание грешного человеческого рода. Такие религии провозгласили личную ответственность человека за спасение его души. Счет времени субъективно пошел от обратного. Из будущего, от Божьего суда, к настоящему, которое колеблется между грехом и спасением, то есть имеет неопределенность в оценках, что есть добро, а что зло. Не погубят ли «мимотекущие» мирские дела человеческую душу?

Это породило чувство, когда человек ощущает свою ничтожность под взглядом высших сил из будущего. Оно нашло художественное отражение в традиции православной иконописи. Обратная перспектива фресок и икон православных храмов создают определенное чувство и пространства, и времени. «Ярым оком» высшие гигантские силы всматриваются в душевную работу человека, борющегося с греховностью краткой своей жизни. Это взгляд из бесконечного будущего времени на миг текущий.

История России за последние четыреста лет с начала XVII века протекала в направлении нашего сближения, можно сказать, «конвергенции» с европейской моделью жизни. Не только внешних ее форм, но и смысла человеческого существования, как его понимает российское общество на каждом конкретном этапе своего развития. Можно сказать, что Россия сегодня в наибольшей степени за весь этот период является Европой именно в массовом самосознании людей. Даже те, кто будут отрицать это утверждение, будут во внутренних самооценках норм поведения, смысла жизни, добра и зла практически оперировать европейскими критериями и категориями.

Предыдущая подобная близость российского, точнее, русского, общества с современным ему европейским миром в понимании сути вещей,

1. Черная Л. А. Антропологический код древнерусской культуры. М., 2008. С. 116.

страстей, верований и моральных оценок существовала, на наш взгляд, в XII–XIII веках в домонгольской, доордынской Руси. Вплоть до вступления на престол Московского царства династии Романовых происходило скорее обратное – нарастание разрыва с Европой. Именно к XVI веку противопоставление Востока, России, православия – Западу, Европе, католической вере достигло наивысшего напряжения. Теоретизируя по поводу «Москвы – Третьего Рима», практическую политику Великое княжество, а затем царство Московское выстраивало во многом в качестве «законного» правопреемника Золотой Орды и ее царей. Именно подчинение новому царю – самодержцу таких уделов, как Казанское, Астраханское, Сибирское ханства, происходило в трактовке московских политиков в течение XVI века. Крымское ханство приняло власть другого самодержца – Высокой Порты. Так оно оставалось вне власти российских царей еще двести лет. И держало южные рубежи России и Речи Посполитой под постоянной угрозой набега, порабощения, огненной смерти людей.

Противостояние Московского царства и соседней, явно родственной по языку, происхождению элит, да и вере населения Речи Посполитой резко усиливало стремление подчеркнуть эту отдельность, инаковость. Но пройдя через тяжелейшие испытания Смутного времени, российское общество постепенно начало вырабатывать новое понимание соотношения человеческого бытия и окружающего человека мира. Это сопровождалось переосмыслением движения жизни во времени в духе, вполне созвучном европейскому рационализму. В своей замечательной книге о древнерусской культуре Людмила Черная пишет о переходе от эпохи культуры «Души» к культуре «Разума»: «Разум дал познавательному движению единицу измерения – человека, и для измерения времени теперь стали использовать человеческую жизнь. Появилось и определение „мое время“, чего невозможно представить в культуре Средневековья»².

Коллективное чувство времени никогда не укладывается в рамки официальной господствующей идеологии. Древняя вера в циклы бытия в сознании людей в России еще и сегодня причудливо соединяется с христианской верой и ожиданиями «светлого будущего». Слова «передовой» или «передовик», «авангард прогрессивного человечества» были для советских людей не пустым звуком. Они несли эмоциональное ощущение подъема и причастности к важному делу. Может быть поэтому такой негатив мы вкладывали в слово «застой», когда хотели описать позднюю брежневскую эпоху заката Советского Союза.

После четырех веков модернизации России оказалось, что нам вновь необходимо бороться за то, чтобы не только «окна», но и «двери» в Европу были не просто открыты, но и обеспечивали движение как в ту, так и в другую сторону. Если мы продолжаем спорить, является ли Россия Европой или Азией, то речь идет о месте не в географическом атласе, а о месте на оси исторического времени.

2. Там же. С. 362.

Тем не менее важно, что мы достаточно давно сделали свой выбор относительно шкалы критериев и точки отсчета, Российское общество смотрит на свое отражение в зеркале европейского стандарта жизни, который в последние десятилетия стало принято называть «западным». Хотя сам этот инструмент далеко не безупречен, он является плодом субъективного творческого порыва многих национальных мастеров и претерпевает исторические модификации.

Мы убеждаемся на собственном опыте и на примерах многих иных стран, что справедливы слова героини сказки Льюиса Кэрролла – надо бежать все быстрее и быстрее, чтобы оставаться на одном и том же месте. Сегодняшние попытки прославить последние наши годы быстрого экономического роста в качестве «прорыва» и «восстановления позиций» натолкнулись на скептическое недоверчивое сомнение массового «коллективного бессознательного».

И это коллективное чувство времени и своего места в нем носит, по моему убеждению, здоровый и мобилизующий характер. Никакими апелляциями к «славному прошлому», ни к имперскому, ни к советскому, не заменить реального понимания проблем российского общества. Мы хотим вновь ощутить причастность к историческому потоку времени. Хотим соединиться с мейнстримом и двигаться вперед, а не возвращаться к пройденному. Но не все так просто. Российское массовое сознание также все более наполняется постмодернистским глубоким скепсисом. Исторический бег времени ни одной нации и ни одному общественному строю не обеспечивает навечно почетного призового места в иерархии мирового развития.

Эти рассуждения смыкаются с философией так называемого постмодернизма, поскольку в грубо упрощенной форме она гласит, что в мировой истории вообще невозможно выявить закономерностей развития. Может произойти все, что угодно, где угодно и когда угодно. Нечто напоминающее компьютерную детскую игру «Цивилизации».

С точки зрения автора, в окружающем нас мире дела обстоят проще и жестче. Исторические закономерности в жизни людского общества реально существуют. То, что пережили европейские страны, включая Россию, при переселении народных масс из села в город, теперь предстоит почувствовать на себе жителям азиатских и латиноамериканских стран. Это не прогноз, это констатация фактов текущей жизни. Осуществление таких изменений в историческом прошлом закладывает в ходе «долгого» исторического времени, по точной мысли Фернана Броделя (Fernand Braudel), предпосылки альтернативных сценариев будущего.

Современное российское общество сложилось не на пустом месте. Многие процессы, ставшие сегодняшней нашей реальностью, имеют исторические корни. Накопление предпосылок того, что происходит сегодня, происходило в нашей стране на протяжении «долгого времени», как его понимал Фернан Бродель и его последователи. Но конкретные сценарии будущего не так жестко предопределены прошлым, как полагали Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Развитие носит вероятностный характер.

Политическое устройство, судьба государств и народов в полной мере зависит от их собственного выбора. Быт и культура зависят от восприятия или отвержения ими демографических, семейных, муниципальных социальных моделей. И в этом потенциальная возможность той самой национальной специфики, которую одни проклинают, а другие перед ней преклоняются. Но любая специфика сама порождена поступками людей. В последние годы и десятилетия в России сбываются не самые негативные сценарии, но все же сценарии из числа маловероятных.

Общественное сознание («матрица» основополагающих ценностей, мифов, предпочтений, оценки, что есть добро, а что есть зло), безусловно, консервативно. В России оно так же консервативно, как и во всех странах европейской цивилизации. Однако, тем более, необходимо изучать конкретные параметры этого сознания. Это с одной стороны. А с другой стороны, необходимо изучать основные факторы, влияющие на изменения указанной «матрицы». Этот последний аспект достаточно хорошо проработан в методологическом плане, споры вызывает скорее методы и результаты конкретной «привязки» к российской действительности.

Российское общество XXI века вышло из культурного и географического пространства, из национального времени предшествующих столетий. Русский язык, наука и литература — сформировали наше общественное сознание. Но вышли мы в большей степени из сталинской шинели-униформы, чем из «Шинели» гоголевской. Факторы, оказавшие воздействие на Россию в течение XX века, были настолько мощными, что именно они сформировали сегодняшнюю нашу реальность.

Однако перечень самих факторов известен. Он аналогичен тому, что происходило и происходит в других странах с сопоставимым уровнем экономического развития. Необходимый учет национальной специфики также вполне возможен. Назовем главные, по мнению автора, факторы.

Первое. Переход российского общества от преимущественно сельскохозяйственного производства и аграрного общества к преимущественно индустриальному.

Второе. Связанное с первым перемещение огромных масс населения из поселков сельского типа (деревень в России) в поселения городского типа. Социология города в России — тема интереснейшая и необъятная.

Третье. Изменение формы семьи. На смену семье из трех и даже четырех поколений, живущих вместе (что было нормой сельской жизни в России еще 70 лет назад), пришла семья из двух поколений — родители и дети. Массовой стала семья — мать и ее дети. Обоюдное стремление взрослых детей и родителей жить отдельно.

Четвертое. Связанное с третьим, вторым и первым изменение роли и статуса женщины, ее места в производстве и всей общественной жизни. А это повлекло соответствующее изменение места мужчины как в семье, так и в обществе.

Пятое. Снижение количества детей в семье до одного-двух, что недостаточно для расширенного воспроизводства населения, традиционно живу-

щего на европейской территории России. Связанное с этим привлечение мигрантов как необходимого резерва занятых в экономике.

Шестое. Модель семьи, место женщины в обществе, городской стиль жизни и развитие медицины в современном мире предопределили демографическую ситуацию и норму. Нормой стала семья с двумя детьми, даже с одним ребенком. На этом примере ясно видно как изменения под воздействием одних факторов запускают механизмы, превращающие эти следствия в самостоятельные мощные факторы социальной динамики. Модель семьи, демография стали предъявлять новые требования к жилью, медицине, образованию.

Седьмое. Экономика, способная прокормить человечество, численность которого перевалила за несколько миллиардов, это индустриальная, перерастающая в постиндустриальную экономика. Она может развиваться только в условиях городской цивилизации.

Восьмое. Эксперимент от обратного — «большой скачок» и «культурная революция» в Китае, плановое хозяйство в СССР, сохранившиеся традиционные сообщества людей к югу от Сахары в Африке — везде люди сталкивались с падением эффективности использования экономических ресурсов и дефицитом продовольствия. Дело заканчивалось переходом к рыночным отношениям, современным или примитивным.

Утверждать, что влияние всех этих факторов не повлекло изменения «матрицы» общественного сознания и базовых ценностей россиян, просто наивно. Все это работало в российской истории не само по себе в «дестилированном» чисто абстрактном виде, а пробивало историческую дорогу через четыре социальные революции. Последнюю из них мы пережили менее двадцати лет тому назад, в 1991–1993 гг. Россия прошла также через чудовищную гражданскую войну, две мировые войны, жестокости насильственной коллективизации и террора диктаторской власти против населения своей страны. Как точно сказал Александр Ципко, такого уничтожения собственного народа не знала в XX веке ни одна страна в мире, за исключением Кампучии во времена «красных кхмеров».

Через такую мясорубку в прошлом веке были пропущены все социальные структуры и все традиции России. Каждый россиянин имеет право на собственную оценку прошлого. Назову важнейшие, по моему мнению, российские черты со знаком «плюс» и со знаком «минус».

Я вспоминаю, как еще студентом в конце 1960-х годов услышал в автобусе по дороге к зданию МГУ на Моховой разговор двух женщин. У одной из них сын только что закончил вуз, и ему положили зарплату ниже той, которую он получал на производстве до диплома. Вторая собеседница ответила подруге: «А все-таки образование свое возьмет».

Вот эта традиция бороться за лучшее качество жизни для себя и своих детей через качественное образование пришла к нам чуть ли не из Средневековья. Она определила очень многое в истории России на протяжении последних двухсот лет. И это одна из самых светлых традиций нашей страны.

А рядом с этим укреплялась также веками традиция добиваться места в иерархии власти или хотя бы при ней, чтобы собирать «статусную ренту», а проще говоря, брать взятки. И этот обычай жив и еще долго будет жить, если считать нашу бюрократическую систему управления обществом «особым русским путем развития».

Известные мне данные по современной социологии России, включая демографические исследования, показывают, что мы, наше общественное сознание и поведение не просто «европеизированы». Они вполне европейские. Россия давно сблизилась не с идеальным «Западом», а с реальным городским индустриальным обществом, именуемым «Запад». Наша страна далеко ушла от сельского общества, именуемого чаще всего «Восток» с его самоидентификацией человека только через принадлежность к родо-племенной или соседской общине.

II

Наше движение по пути модернизации страны не носит характера жесткой исторической закономерности. Оно остается делом нашего коллективного выбора и одновременно личной ответственности. Без конкретных индивидуальных действий желаемое будущее не наступит, даже если оно описано в весьма привлекательном виде в правительственной программе «2020». Это всего лишь один из возможных сценариев будущего. И как показывает практика истории, это движение может продолжаться бесконечно, потому что по мере приближения к этим целям сами они будут неизбежно меняться.

Национальное чувство времени в нашей стране резко сменилось в середине 1980-х годов. Мы осознали себя вновь отстающими и догоняющими. Вместо ощущения прогресса и движения вперед окончательно возобладало ощущение затягивания страны в порочный круг повторений. России приходится делать вторую попытку войти в число наиболее развитых стран. Речь идет не только об экономическом, но и политическом развитии. Первая была совершена в ходе февральской революции 1917 г. Вторично мы вступили на этот путь в ходе четвертой русской революции 1991–1993 гг.

Принципиальный вопрос заключается в том, чем отличаются именно эти процессы модернизации от многосотлетних усилий предшествующих реформ в рамках империи Романовых, или от «прорыва в светлое будущее» в ходе мобилизационных десятилетий советского периода?

На первый взгляд ответ прост — только в 1917 и в 1991 годах пришедшей к власти в ходе революции частью элиты ставилась задача развития в России демократической формы государственного устройства. Все остальные модернизационные проекты в российской и советской истории откровенно ставили задачу военной мобилизации. И не так уж важно, во имя ли «мировой революции» или выхода к проливам и Константинополю.

Ведь даже в эпоху Великих реформ правительство Александра II модернизировало Россию преимущественно в виду необходимости наращивания военного потенциала государства. Демократические элементы — неза-

висимый суд или земское местное самоуправление — представляли собой меры прежде всего экономические, обеспечивающие стабильность частной собственности или разгружавшие центральный государственный бюджет хотя бы частично от забот о местной администрации.

Милитаризация экономики сопровождалась, как правило, не расширением, а свертыванием даже зачатков демократии, уходом с уже достигнутых рубежей в деле привлечения «низших сословий» или «рядовых представителей рабочего класса и крестьянства» к делам государственной власти. Земские соборы начала XVII века прекратили свое существование, и было восстановлено абсолютное самодержавие царя — императора. В XX веке возникшая было зачаточная демократия — земство и Государственная дума были сметены в ходе Октябрьской революции, стихийно возникшие советские органы превращены в период гражданской войны в придаток откровенной диктатуры.

Сегодня сторонников подобного же разворота от развития демократии к авторитарному режиму во имя очередной военной мобилизации тоже достаточно. Внутри российской элиты ведется борьба за выбор модели модернизации. Пока что разговоры о национальной специфике и российском пути прикрывают растерянность — властные круги видят ограниченность ресурсов страны. Противостояние в военной области всему блоку НАТО — это ведь не война с Грузией. Я полагаю, вертикаль власти сама опасается скатывания к схваткам внутри элиты и террору *a la* товарищ Сталин.

Однако за откатами в деле реформ и авторитарными разворотами в осуществлении власти в России, которые регулярно приходили на смену использованию квазидемократических методов, когда нужда в массовой поддержке действий власти со стороны широкого круга классов и сословий убывала, стоит не просто эгоизм власть имущих. Это также и страх непредсказуемости того выбора, который сделает народ. Властные структуры отказываются от модернизации политической системы как только возникает перспектива смены власти не элитного слоя даже, а правящей группы внутри него.

Постоянный раскол элиты на кланы и группировки порождает внутри нее неуверенность в собственной способности завоевать поддержку при использовании демократических методов. А опыт борьбы на уничтожение противника, что в бизнесе, что в политике, когда победитель получает все, порождает страх и неуверенность в собственной судьбе.

Наиболее вероятно и близко к реализации осуществление частно-государственного партнерства как в экономике современной России, так и в общественно-политическом устройстве. Умеренное ограничение демократических свобод при признании свободы в экономике — пользовалось и пока еще продолжает пользоваться популярностью.

Однако сращивание власти политической и экономической, как обычно и бывает в российской практике, само по себе перевалило разумные границы. В погоне за сиюминутными выгодами представители структур власти подрывают возможности стабилизации системы в долгосрочной перспекти-

ве. Экономика также не модернизируется и не становится более эффективной, развивается только экспорт сырья и энергоносителей.

Стабилизация экономического роста и доходов первого десятилетия XXI века не создала основы для долговременного развития. Глобальный финансовый и экономический кризис развеял ощущение успеха, кризис проявил и вывел на всеобщее обозрение сильные и слабые стороны российской экономики и политики. Мы вновь обнаружили себя в кругу весьма похожих на нас стран «развивающихся рынков», имеющих схожие проблемы. Ощущение движения по кругу, цикличности развития и слабости прогресса нарастает.

Семьдесят лет советской власти сделали из сельской и малограмотной России страну городскую, промышленную, с образованным населением. Любой российский турист подтвердит, что образ жизни европейских стран воспринимается как свой, а экзотических южных — как чужой. Если приходится делать выбор, если наши люди уезжают в поисках работы, то они устремляются не в Китай и, за редким исключением, не в арабские страны. Понятно, что жить россиянам хочется так, как живут в Европе и США.

В конце XX и в начале XXI века развитие городов России идет в том же направлении, что и во всем мире — от города, окруженного деревнями, к городскому центру и огромной городской агломерации вокруг. В США, например, такие агломерации уже давно стали основной формой проживания людей — в них живет около 90% населения.

Возникновение обширных пригородов это как бы первый этап развития таких городских агломераций. Затем пространство вокруг городов начинает заполняться производственными, торговыми, офисными центрами, коммунального обслуживания и досуга. Российские городские агломерации проходят как раз этот этап своего роста.

Рыночное преобразование российской экономики значительно ускорило рост городских агломераций. При этом вокруг основного центра возникают и быстро развиваются локальные центры жизни — пригородные коттеджные поселки, вытесняющие и деревни, и дачные участки, традиционные для советского периода.

Сегодня в России сорок самых крупных городских агломераций концентрируют в себе около 60% населения, 70–80% экономической активности. Городская агломерация — городской центр и городская среда его пригородов — наиболее типичная деловая окружающая среда. В агломерациях Московского региона и вокруг Санкт-Петербурга, на Урале и в Поволжье формируется современная постиндустриальная структура экономики с повышенной долей сектора услуг — от финансов до торговли и социального обслуживания населения. Москва и московский регион резко выделяются даже на этом фоне. По оценкам специалистов на одну Москву приходится 21% ВРП всех регионов.

Однако образ жизни горожан, их стремления и жизненные приоритеты достаточно схожи. Возможности самореализации различны. В целом эта масса горожан в первом-втором поколениях воспринимает быт европейско-

го города в качестве образца. Общественные же отношения в среде новых горожан в новой для них городской среде зачастую скорее ориентированы на взаимодействие в рамках «клана», «землячества», за пределами которого люди не могут доверять друг другу. Это не отношения гражданского общества, а скорее связи, традиционные для пришлой части населения, попавшей в чужую, непонятную и враждебную среду. Пока горожане в первом-втором поколениях сохраняют эту ориентацию на старые социальные связи, они продолжают принадлежать и городу, и селу. Однако история всех стран, переживших ускоренную индустриализацию, демонстрирует нам ту же картину. Именно такой тип общественных связей был массовым для городов Италии, Испании даже после Второй мировой войны на протяжении десятилетий. А до Первой мировой войны также и для Германии и Франции.

Российское общество давно крайне индивидуалистично. В этой связи полезно сравнить себя с Японией. Общество там тоже городское и индустриальное, но с большой национальной спецификой. Оно, во-первых, более коллективистское, чем Европа, США или Россия. А во-вторых, оно для нас, русских, очевидно более чужое по всем своим обычаям и привычкам. Мало кто из россиян способен почувствовать себя в нем своим.

Когда-то выдающийся американский специалист по проблемам управления Питер Друкер сказал с явным огорчением, что ни один бывший его японский студент, показывавший во время учебы блестящие результаты, не добился заметных успехов у себя на родине. В Японии совсем иная культура бизнес-поведения. Российские же магистры по бизнес-администрации (МВА), выпускники американских и европейских бизнес-школ, прекрасно себя чувствуют в отечественном предпринимательстве.

И все-таки японское северо-тихоокеанское общество во всем мире относят к модели «Запада», хотя личность в нем стремится учитывать интересы группы в гораздо большей степени, чем в североатлантических странах. Обеспечить для людей высокое качество жизни, развитие личности и накопление социального и человеческого капитала, то есть соответствовать привлекательным для современного российского человека стандартам и требованиям как массовой норме пока сумело только в значительной степени «европеизированное» общество, только «Запад». Россия идет тем же путем уже больше трехсот лет.

Европейская перспектива для России основывается на нашей российской европейской же истории. И это вовсе не гарантия всеобщего благоденствия и благолепия на все времена. Напротив, это надо бы воспринимать как вызов. Ведь инквизиция, лагеря уничтожения, «архипелаг ГУЛАГ» — все это также европейская традиция, и существует опасная для России альтернатива развития — продолжить именно такую традицию в будущем.

Если Россия, т. е. мы, российские граждане, удержимся от соскальзывания к авторитарной диктатуре, добьемся полноценной демократии в общественной жизни и в работе государственной власти, то и всей европейской цивилизации, всему «Западу», легче будет удержать свои сегодняшние позиции мирового лидерства.

Россия в настоящее время является одновременно частью европеизированного мира Севера и того развивающегося мира, в котором нарастает процесс сближения с этим более развитым североатлантическим и северо-тихоокеанским миропорядком. Увеличение числа и удельного веса среднего класса в населении стран развивающихся рынков стало одним из самых заметных социальных феноменов периода продолжительного роста последних двадцати лет. В результате этих изменений оценка доли этой социальной группы в населении мира в целом выросла с одной трети до половины его численности³. В ходе социологических опросов около 40% россиян относят себя к категории среднего класса, при более жесткой научной стратификации доля среднего класса определяется на уровне 25–30%.

Традиционно исследователи полагают, что средний класс является социальной базой демократического политического развития. Эти люди имеют некоторые свободные ресурсы, они не испытывают повседневной нужды. И настроены на поддержку стабильности в обществе. Однако настроенность на позитивные ожидания, на дальнейший рост благосостояния может натолкнуться на последствия кризиса. Разочарования, потеря надежд теми, кто уже имеет определенный уровень достатка, всегда переживаются тяжелее, чем лишенными всякой перспективы бедняками.

Более того, приходится вспоминать тех германских «мелких буржуа», представителей среднего класса, говоря современным языком, которые поддерживали власть нацистов. Произошло это именно в период экономического кризиса, породившего кризис политический.

Реальное движение России по реке времени ведет нас в направлении демократии. Для нашей страны задача демократического развития по пути современной североатлантической городской цивилизации осложнена не столько национальной спецификой России, сколько необходимостью срочно находить ответы на общие для всего севера глобальные вызовы, с которыми наша страна (да и ни одна страна в мире) не может справиться в одиночку:

Во-первых, кризис экономической модели развития мирового рыночного хозяйства, которая продемонстрировала свою эффективность последние три десятилетия, но в которой накопились глубокие противоречия. Российской экономике уже недостаточно просто вписаться в мировой рынок. Требуется активная конкурентная борьба за место на торговых площадках товаров и услуг, включая собственный российский рынок.

Во-вторых, экологический кризис, реально угрожающий существованию современной городской цивилизации в ее современном виде. Более двух третей современных городов-мегаполисов расположено на берегах морей. То есть городские центры будут попадать в зоны затопления в случае дальнейшего таяния льдов вблизи Северного и Южного полюсов земного шара под воздействием глобального потепления. Возможно, сокращение промышленных и бытовых выбросов углекислого газа сможет затормозить этот процесс. Возможно, сама природа потепления недостаточно понята наши-

ми учеными и глобальной катастрофы удастся избежать. Однако вокруг нас накапливаются не только глобальные, но и вполне конкретные беды крупных городских агломераций — транспортный коллапс, горы мусора, отравленные почва, вода и воздух.

В-третьих, демографический дисбаланс. В странах с более развитой экономикой население прекратило свой рост и даже не остается на прежнем уровне, тогда как в бедных регионах, к тому же лежащих вблизи границ богатых соседей, происходит бурный рост рождаемости. Миллионы обездоленных молодых людей, с одной стороны, рвутся переселиться на территорию более состоятельных соседей в поисках заработка, а с другой стороны, отказываются принимать образ жизни и язык этих соседних народов. Получение гражданства зачастую оказывается формальным актом, культурная и религиозная традиция в гораздо большей степени определяет поведение людей, чем любые юридические правила. Следовательно, внутри исторически сложившихся гражданских обществ, национальных государств накапливается мультикультурный потенциал, отторгающий прямую ассимиляцию. Ответ должен быть найден в рамках демократической политической системы, и он должен основываться на сохранении гражданского общества, на балансе прав и обязанностей гражданина. Иначе рано или поздно окажется востребованным антидемократический насильственный вариант решения — от принудительной ассимиляции до физической изоляции и высылки всех недовольных.

В-четвертых, угроза распространения ядерного оружия. В руках отнюдь не обязательно демократических правительств и руководителей среднеразвитых стран оказываются атомные бомбы и боеголовки, а также ракеты-носители. Давление этих факторов Россия испытывает в не меньшей степени, чем все остальные государства Севера. Если мы хотим найти эффективные ответные решения, напрашивается объединение усилий российского общества и государственной власти с остальными странами Севера, закрепленное присоединением нашей страны (формы этого присоединения могут и должны быть обсуждены всеми заинтересованными сторонами) к политическим, военным и экономическим союзам североатлантических государств.

От сопоставления российской жизни со стандартами Европы нам никуда не уйти. Такое сопоставление ежедневно делает каждый гражданин России. Мы вынуждены отвечать на «вызов Европы» (определение Арнольда Дж. Тойнби). Тем не менее важно, что мы достаточно давно сделали свой выбор относительно шкалы критериев и точки отсчета, Российское общество смотрит на свое отражение в зеркале европейского стандарта жизни, который в последние десятилетия стало принято называть «западным». Хотя сам этот инструмент далеко не безупречен, он является плодом субъективного творческого порыва многих национальных мастеров и претерпевает исторические модификации.

Те, кто кричат, что «Европа нам не указ», уже, по сути, провели такое сопоставление и просто отказывают российским гражданам в праве требовать для себя того же, что признают нормой остальные европейские наро-

3. Economist. 2009. February 14–20. P. 16.

ды. Для России не обязательно подавать заявку на вступление в Европейский союз как в организацию. Тем более что национальный патриотизм, национальное государство в Европе все более сменяются принадлежностью к широко понимаемой европейской цивилизации. Я называю ее современной городской цивилизацией Северо-Запада. Частью этой цивилизации является сегодня и Россия.

Разве свобода и демократия, честные выборы на всех уровнях власти нужны не российским гражданам, а зарубежным политикам? Разве конкуренция, сдерживающая цены и повышающая качество товаров, рыночную конкурентоспособность отечественного производства, нужна не российским гражданам, а зарубежным фирмам? Разве честный суд, борьба со взятками в госаппарате, «чистые руки» политиков и чиновников нужны не российским гражданам, а зарубежным журналистам? Они-то как раз потеряли бы привычный заработок на описании наших «наездов» спецслужб на бизнес, взяток членам парламента и чиновникам, хищений военного имущества и терактов.

А ведь только сведение всей этой «российской реальности» к минимуму позволит нормально привлекать инвестиции в экономику России. И не только иностранные деньги, а и свои собственные, российские. И не об олигархах и их деньгах речь, а о сбережениях простых людей, которые боятся сегодня их доверить российским банкам и акционерным компаниям, стремятся обменять российские рубли на доллары и евро. Без вложения этих накоплений не будет ни роста ВВП и благосостояния народа, ни достойного места России в мировом сообществе, где всегда будет царить конкуренция за такое место. Таков закон развития, и глупо на это обижаться, и еще глупее самим отказываться от борьбы за принадлежность к верхней части мировой иерархии.

Рассуждая трезво и даже цинично, российская элита просто обязана добиться реального союза с Западом, стать полноценной частью Севера. Это диктуется простым чувством самосохранения. Можно и дальше тянуть с выбором. Но стоит понять, что входной билет завтра будет стоить гораздо дороже, чем сегодня.

Вместе с тем у нас главная беда и главная разруха, как всегда «в головах». Не только в головах у широкого круга граждан России, но и в головах у начальства. Экономическая политика в кризисные годы строится так, словно задача одна — пересидеть какое-то время, а затем вернуться старые благополучные времена. Не вернуться. Нам больше не удастся продавать столько углеводородного сырья и по таким высоким ценам, как это было на протяжении четырех — пяти предкризисных лет.

При этом рассуждения людей, которые призывают изолироваться от мировой экономики, якобы из патриотических побуждений и для сохранения державных позиций в мире, являются либо небескорыстной борьбой за распоряжение без всяких конкурентов рынком и ресурсами России, либо непростительной безграмотностью. Закрытая экономика в масштабах всего Советского Союза обанкротилась во второй половине 1980-х гг., задол-

го до распада единого советского государства. Удивительно, как легко уже забыты бесконечные очереди за всем на свете теми, кто сегодня испытывает ностальгию по советскому периоду нашей жизни. Видимо, кризис следующего десятилетия 1990-х гг., а главное ощущение обманутых надежд от революционных преобразований 1991–1993 гг. нанесли памяти народа такую глубокую травму, что все предыдущие годы стали восприниматься как более счастливое время.

Аналогично можно оценить и нагнетание враждебности к якобы агрессивному по отношению к России Западу. Из этой же серии традиционное для значительной части российской элиты последних ста лет противопоставление себя, а значит, и нашей страны в целом, северо-западной цивилизации — Европе и Америке, которые принято кратко именовать «Запад». Такая смесь комплекса неполноценности с манией величия.

Радость по поводу экономических бедствий «там, за бугром», быстро сменилась сетованиями на то, что все их беды оборачиваются еще большими бедами для нас. Кризис 2007–2009 гг. уже вполне доказал, что мир взаимозависим. Без рынков сбыта наши природные ресурсы являются не богатством, а фактом геологической структуры и географического ландшафта страны.

В ходе последнего десятилетия группу стран с быстро растущей экономикой и многочисленным населением, читай — емким внутренним рынком, стало принято объединять в некоторое виртуальное единство — страны БРИК: Бразилия, Россия, Индия, Россия. Помимо того что уже названо, наши страны похожи в том, что в наших обществах велико социальное разделение между состоятельными и бедными слоями общества.

А в своих внешнеэкономических связях наши страны мало взаимодействуют друг с другом. Основные торговые потоки завязаны на более богатые мировые центры. Китай и Бразилия — на США, Россия и Индия — на Европу. Это направление экономических интересов ярко проявило себя в ходе экономического кризиса 2007–2009 гг. И перед всеми странами БРИК встал похожий вопрос, способны ли наши экономики переключиться на спрос внутреннего рынка в качестве основы платежеспособного спроса — двигателя экономического роста. Только в том случае, если положительный ответ и необходимые механизмы будут найдены в каждой стране самостоятельно, страны БРИК выйдут на новый уровень развития, а не откатятся назад.

На момент выхода мировой экономики из кризиса российская экономика будет нуждаться в капиталовложениях в таком масштабе, который она сама по себе генерировать не сможет. Экспорт в прежнем стоимостном объеме будет невозможен, следовательно, бюджет не будет располагать избытком средств и доходов. Если финансовые и денежные власти не наладят размещение долговых государственных ценных бумаг, то запасы Резервного фонда и Фонда национального благосостояния, как и золотовалютные резервы, будут поглощены борьбой с кризисом и обнулятся. А производственные мощности устарели, даже если они были модернизированы в эпоху прошлого роста экономики, а если они не изменились с советских времен, то машины и оборудование изношены до предела.

Ведущим фактором отечественной национальной конкурентоспособности уже сегодня является внутренний российский рынок. Масштабы совокупного спроса России могут обеспечить рынки сбыта для развертывания производства товаров и услуг российскими компаниями в нарастающих объемах. А следовательно, и значительного ускорения экономического роста страны.

Стимулировать совокупный спрос на внутреннем рынке можно было бы за счет кредитов и займов, но для этого нужна уверенность кредиторов в их возврате. Можно привлекать иностранных инвесторов, благо в стране все относительно подешевело и хватает квалифицированных рабочих рук, но инвесторам требуется надежная юридическая база защиты собственности и низкие политические риски. Именно поэтому Россия не может позволить втянуть себя в противостояние с той группой стран, которые являются потенциальными источниками финансовых ресурсов и инноваций.

Если в России кризисные годы вновь не будут использованы для создания привлекательного для инвесторов экономического и юридического режима, значит, мы упустим и этот исторический шанс модернизировать нашу страну и еще глубже погрузимся в глубину того, что когда-то именовали «третьим миром», а сегодня политкорректно зовут «развивающимися рынками».

Все должно быть как раз наоборот. В условиях спада в экономике необходимо создавать дополнительные многочисленные стимулы для всех категорий инвесторов для капитальных вложений в Россию. Необходимо идти и на налоговые каникулы для малого бизнеса на 5–7 лет, и на расширение практики свободных экономических зон, и на возобновление инвестиций на основе раздела продукции, и на ускоренные амортизационные списания для новых капитальных вложений в любом секторе экономики.

Преодоление кризисного спада в российской экономике послужит хорошим стартом для возобновления обсуждения присоединения России к тем межгосударственным организациям и объединениям, в рамках которых в настоящее время развивается цивилизация мирового Севера. В том числе и в формате G–20.

III

Ученые и политики в России и за рубежом очень не любят признавать тот факт, что мировое сообщество государств всегда существовало и продолжает существовать в виде определенной иерархии. Говорить об этом не политкорректно. Но так было на протяжении всей человеческой истории в течение последних трех тысяч лет. Сегодня очевидно, что неравенство между странами будет сохраняться еще очень долго, если не всегда. По крайней мере, для ближайших трех-четырёх поколений. Хотя в XX веке на политическом уровне и предпринимались попытки обеспечить некое «равноправие».

Признание права наций на самоопределение вплоть до отделения было неизбежным этапом развития системы международных отношений. Создавая Лигу наций страны-победители в Первой мировой войне обещали веч-

ный мир, если эти права наций будут реализованы. В действительности на этом праве базировалась вся борьба XIX–XX веков за перекройку границ в Европе и Азии. Очевидно, что миролюбивая внешняя политика не является обязательным следствием национального самоопределения. Скорее наоборот. И Германия, и Италия, «собрав» нацию, почти сразу объявили себя «новыми империями» и устремились в военную погоню за «старыми».

Можно ли называть эти подходы «прогрессивными»? Если учесть, что реализация этих прав наций-этносов привела к двум мировым войнам и огромному числу более мелких вооруженных конфликтов, то такой «прогресс» не радует. Модель Европы на базе национальных государств потребовала такого передела территорий, что войны, включая, две мировые, в XIX и XX веках стали почти постоянным явлением. Если не воевали наиболее мощные державы, то такой период считался европейским миром. Хотя в те же годы на Балканах могли идти чередой вооруженные конфликты (в начале XX века, а также в его последнее десятилетие).

После Первой мировой войны, когда была создана Лига наций, было провозглашено в качестве международной нормы право наций на самоопределение, что и было закреплено в качестве основополагающего принципа международных отношений. Однако после Второй мировой войны Лига наций не просто уступила место Организации Объединенных Наций. После завершения Второй мировой войны ведущие страны-победительницы осознали, что для стабилизации ситуации и мирного развития надо было признать права новых государств, бывших колоний, на самостоятельность и независимость. Это формально удалось обеспечить с юридической точки зрения. Все суверенные государства стали членами ООН, но к праву на национальное самоопределение в уставе ООН добавился принцип целостности и неприкосновенности границ суверенных государств. Вплоть до прецедента с попытками отделить Косово от Сербии пересмотр границ признавался возможным только при согласии всех заинтересованных сторон.

В деле с равенством с точки зрения экономического и социального развития, что явилось бы залогом будущего мирного гармоничного сосуществования мирового сообщества государств и народов, очевидна полная неудача. Разрыв между наиболее богатыми и бедными народами мира по ВВП на душу населения только возрос за последние полвека.

После появления на карте мира целого созвездия молодых развивающихся государств прошло уже более полувека. Итог их развития, мягко говоря, не впечатляет и оптимизма не прибавляет. Разрыв между Севером и Югом, между Западом и Востоком не преодолен. Он скорее углубился.

Догоняющее развитие ни в его капиталистическом, ни в его социалистическом вариантах не привело к выравниванию стран по лучшему, т. е. «богатому» образцу. Есть несколько исключений — Япония и Южная Корея в Восточной Азии, Италия (точнее, юг Италии), Испания, Португалия, Греция в Южной Европе. Может быть, следует упомянуть одну-две небольшие нефтедобывающие страны на Ближнем Востоке. Все, перечень закрыт. Да и он приведен с большой натяжкой, учитывая последствия экономического кри-

зиса 2007–2009 гг. Сами перечисленные страны оказались расколота на тех, кто устойчиво противостоит падению экономики, и тех, кого оно захлестнуло, вызвав социальную и политическую нестабильность. Одновременно такие страны, как Россия, Аргентина, Мексика, скорее сдали свои позиции, погрузились как бы внутрь развивающегося мира, из которого, казалось бы, они некогда вырвались.

Если лет десять-двадцать назад элиты новых независимых государств верили, что положение будет исправлено ходом прогресса всего человечества, то сегодня эта вера иссякла. Стало очевидно, что большая часть человечества на долгие десятилетия, если не на века, будет оставаться нищей. Особенно в сравнении с богатой частью мирового сообщества. Этот контраст осознан, и эта болезнь не поддается более силе внушения и гипнозу ласковых слов. По оценкам специалистов ООН из тех примерно 5,3 млрд человек, которые живут в развивающихся странах, около 1,2 млрд человек, т. е. каждый четвертый-пятый, живут в полной нищете, испытывая постоянный голод, нехватку воды.

Производство ВВП в мире растет в целом быстрее, чем увеличивается численность населения, производство за 100 последних лет выросло в 10 раз, население — в 4 раза. Однако распределение этого роста прямо противоположно — население растет в беднейших регионах, где производство стагнирует. Отсюда происходит массовый отток населения, легальным и нелегальным образом, в более благополучные регионы мира.

Пример Советского Союза вчера, Китая сегодня показал элитам многих не самых богатых народов, что консолидированные внутренне, авторитарно управляемые государства могут создать у себя мобилизационную экономику, милитаризовать общество и добиться права говорить на равных с клубом богатых стран. Военная сверхдержава после распада СССР осталась одна — это США. Но в ядерном клубе состоит и Китай, и Индия, и Пакистан. Похоже, что «секретных» его членов гораздо больше, чем это открыто декларируется. Ядерное оружие потенциально может послужить инструментом шантажа и запугивания, чтобы с большим комфортом расположиться на своей ступени развития, обеспечить в табели о рангах мирового сообщества «генеральский чин». Но народ от этого станет только беднее. Северная Корея наглядно это демонстрирует.

11 сентября 2001 года показало, что в мире есть сторонники и еще более радикальных действий из среды элиты бедных народов. Атаки террористов на многочисленные российские города, теракты в Лондоне и Мадриде, нападение на американские города Нью-Йорк и Вашингтон в 2001 г., на индийский город Мумбай в 2008 г. показали, что никто не может считать себя от этого рода угрозы защищенным. Шантаж любых стран возможен весьма ограниченными средствами.

При этом идеология религиозного экстремизма даже удобнее для обоснования таких действий, чем идеология социалистического переустройства общества. Ведь левые политические экстремисты всегда обещали поверившим в них массам, что материальная жизнь простых людей улучшится после

победы сил прогресса. Религиозные же экстремисты этого никому не обещают. Защита традиционного, т. е. бедного по определению и иерархично построенного общества — вот их главное обещание, ну и загробное блаженство в придачу.

Сегодня в XXI веке нечто подобное фанатичной враждебности крестоносцев или исламских экстремистов наших дней к окружающему миру пытаются внушить гражданам России сторонники самоизоляции нашей страны от остальной Европы и мира. Они не только твердят о «русском пути», «русской особой цивилизации», но и пытаются православную религию «подшить к делу», на манер эксплуатации ислама «Аль-Каидой». Как показал конфликт и война в Южной Осетии, к сожалению, принадлежность к православии не исключает боевых действий грузинских, осетинских, российских боевых частей друг против друга.

Европейские и североамериканские элиты продолжают призывать к воспроизведению либеральной демократии во всех странах мира. По-прежнему уверяют людей, что свободный рынок и политическая свобода — залог всеобщего благосостояния, защищенности, мира внутри стран и на международной арене. Но такая позиция традиционного социального оптимизма все чаще сопровождается оговорками. Не все, мол, народы готовы к такому порядку жизни. Не всем цивилизациям это доступно и подходит — есть угроза потерять национальную идентичность.

Все очевиднее в позиции элиты богатых стран слышно раздражение: не хотите, не можете — и не надо, никто не станет никого уговаривать. Можно, конечно, как в Ираке, прибегнуть к самым сильным аргументам — бомбам, снарядам — для внушения либеральных идей. Но в самой элите после политического провала данного подхода в Ираке мало кому такая политика нравится, лучше уж отгородиться от тех, кто не желает следовать образцу Европы и США. Границу с Мексикой, например, перекрыть жестко, корабли в Средиземное море для патрулирования и вылавливания из волн нежелательных иммигрантов послать, границу с Россией обустроить подобным же образом и виз русским и украинцам на въезд давать поменьше.

Сегодня как элиты развивающихся стран, так и элиты высокоразвитых стран все более и более заинтересованы в фиксации реального распада мирового сообщества на противоборствующие коалиции. В этой ситуации Россия просто обязана дать себе трезвый отчет в происходящем. Хотим ли мы вновь присоединиться к фронту борцов против Севера и Запада? И что нам даст такой союз? Мы уже это проходили. В военно-политическом союзе с Китаем против США мы уже состояли. Тогда под руководством Сталина и Мао Цзэдуна этому союзу удалось отвоевать у США половину Кореи. Нужно нам повторять это?

В союзе с экстремистами из Африки и Латинской Америки СССР, то есть в том числе и Россия, приобрел обязательства снабжать и развивать большую группу стран «социалистической ориентации». Где они теперь?

Все это как ориентир на будущее мало вдохновляет. Эта дополнительная нагрузка на нашу экономику, а главное, груз поддержания военно-по-

литического паритета для противостояния Западу сломали СССР, высосав из него жизненные силы. Повторение сегодня такой политики бессмысленно и попросту невозможно.

Занять нейтральную позицию между Востоком и Западом, Севером и Югом. Попытаться, объявив себя «особой российской цивилизацией», балансировать между полюсами силы и служить посредником между ними — соблазнительно. Однако кому наше посредничество нужно? Попытка сыграть эту роль для Ирака или Ливии, благо связи с ними были давними и традиционными, провалилась. Все элиты предпочитают общаться напрямую. Если США и Китай завтра приступят к согласованию военно-политического сотрудничества между собой (такое развитие событий, с моей точки зрения, предопределено их теснейшими экономическими связями), то Россию точно не пригласят в посредники. Если же в арабском мире к власти вместо светских режимов придут религиозные фундаменталисты, то контакты с ними могут только усилить исламский экстремизм под ваххабитскими лозунгами в самой России.

Россия сегодня является национальным государством русского народа-этноса. Демократическая перспектива нашего развития заключается в превращении ее в гражданское национальное государство, в котором гражданин России вне зависимости от этнических корней будет обладать всеми правами и исполнять все гражданские обязанности. Россияне могут этого добиться только в том случае, если этнические меньшинства осознают необходимость принятия русского языка и общероссийских моральных и этических правил поведения в качестве общей для всех нормы. Иначе нарастание конфликтов на почве сталкивающихся национализмов неизбежно.

Северо-Запад, европеизированное городское общество исторически существует и стало самим собой в организационной форме именно «национального государства». В национальных государствах с моноэтническим большинством населения, т. е. с абсолютно преобладающим одним титульным этносом, живут сегодня все жители «золотого миллиарда» на Земле. Хотя практически в каждом из них живут и трудятся люди из многих этнических групп. При этом вне зависимости от этнического происхождения все граждане обладают равными правами и имеют равные обязанности. Это и есть в идеале государственная модель «Запада», а сегодня и не только европейского и североамериканского «Запада», но и значительной части стран исторического «Востока».

Российское государство движется сегодня по тому же самому пути, по которому прошли наши североатлантические соседи и по которому идет подавляющее большинство стран современного мира на всех континентах. Это не значит, что такое движение будет протекать просто, бесконфликтно и бескризисно. Но именно такое развитие событий открывает перед Россией перспективу достойного для всех ее народов будущего. Существует ясный критерий оценки как реальной политики, так и теоретических политологических построений — приоритет экономических и политических прав личности каждого человека, его личная гражданская свобода, т. е. гражданские права для всего населения.

Сегодня более 80% граждан Российской Федерации — этнические русские. Так было не всегда. Такого соотношения между титульным этносом и остальными народами не было ни в Российской империи, ни в Советском Союзе. И в период империи Романовых, и в советское время наше государство было многонациональным, точнее сказать, многоэтническим. Если взять только великороссов за тождество с современными русскими, то в царское время их было менее 60% населения государства Российского. Только вместе с малороссами и белорусами доля приближался к 80%. По данным переписи населения 2002 г. в Российской Федерации живут 130 народов. Доля нерусского населения составила 19,2% — почти 28 млн человек. Россиянам приходится заново решать, казалось бы, давно решенные проблемы. Каждое новое поколение российских граждан должно обучаться искусству жить в мире с соседями как внутри России, так и за ее пределами.

Конечно, есть своя закономерность в том, что первое поколение людей, приехавших в чужую для них страну, погружившихся в чужую городскую жизнь, сплываются по этническому признаку. Не зная языка, правил и законов трудно даже найти дорогу на улицах города, а тем более вести бизнес в чуждом окружении. Дела делаются, контакты поддерживаются в первую очередь со «своими», родственными и понятными людьми.

А вот судьба второго и тем более третьего поколения во многом зависит от общества. Готово ли оно принять чужих детей, если они хотят стать своими в новой социальной и национальной среде? Какие у них перспективы социальной мобильности, какие двери для них будут открыты, какие социальные лифты будут для них работать? В решении всех этих задач необходимы взаимные усилия.

Если нация отстраивает свою общественную жизнь так, что для всех желающих стать «своими» в данной стране открываются социальные перспективы, работают социальные лифты для личностей, которые стремятся к успеху, такая нация делается гражданским сообществом действительно привлекательным для многих окружающих и моделью для подражания. В ином случае, когда этнос строит свои общественные связи прежде всего на отделении от «чужих» и на наказании «своих», которые не следуют жестким правилам внутри этнической общественной жизни, обстановка нетерпимости вызывает все большее отчуждение с окружающими. Тогда и встречная враждебность неизбежна. Это справедливо и для ведущего этноса — для русских и для этнических меньшинств. Ассимиляция не может являться целью демократического многоэтнического государства, но двуязычие, соблюдение законов и общих правил общежития должны быть обязательными.

Думается, самое трудное объяснить и взрослым, и детям, что чужой преобладающий вокруг язык надо знать как свой родной, что чужие нравы надо уважать. Иначе жизнь в гетто и отчуждение с окружающими неизбежны. Говорить об этом необходимо открыто, даже если это не политкорректно.

Русский язык сначала должен стать «осознанной необходимостью» для приезжих для получения работы и налаживания их жизни, а затем вторым

родным языком. Образовательные программы для взрослых и их детей абсолютно необходимы, сегодня они явно недостаточны. Поддержание высоких образовательных стандартов всех российских граждан, включая вновь приехавших в страну, важнее для национального развития России, ее национальной безопасности, чем любые иные государственные программы.

Нет в сегодняшней общественной дискуссии в России более «горячей» темы, чем национализм. Чаще всего речь идет об угрозе национализма. Это справедливо. Угроза реальна. Ее суть двойная: этнический национализм служит, с одной стороны, оправданием свертывания всякой демократии, якобы ради защиты своего народа от происков «чужих». Врагов видят повсюду, но центр «заговора» традиционно помещают на «Западе». С другой стороны, национализм в ряде национальных этнических общин смыкается с экстремизмом и терроризмом. Сюда же непременно замешивается религиозная рознь в целях прикрытия чисто людоедских лозунгов.

Парадоксальным образом некоторые черты именно старинных империй XIX века могут показать пример «политических технологий», обеспечивающих сотрудничество элит разного национального происхождения в едином государстве. И в Российской империи, и в Австро-Венгрии господствующее в иерархии их элит национальное большинство (русские и немцы, соответственно) проявляло гибкость и терпимость, включая инонациональную элиту в правящий класс.

Главная «имперская черта» сегодняшней России — попытка предложить этническим нерусским элитам нашего государства компромисс. Им гарантировали вхождение в элиту российского общества взамен на лояльность к верховной российской власти. В Империи Романовых это работало блестяще в отношении, например, элит Грузии, Армении, Украины, хуже в Центральной Азии, лучше в Прибалтике в отношении к немецкому по происхождению дворянству. Совсем плохо в отношении польского дворянства. Сработал аналогичный компромисс и в Советском Союзе, в отношении части национальных элит на тех же территориях.

В СССР не ставилось задачи полной ассимиляции этнических групп в «советский народ», при этом характеристики этой «новой социальной общности» делались все более расплывчатыми. Уже в советское время в сфере бытовых и семейных отношений происходило с молчаливого согласия властей возрождение старинных, казалось бы, навсегда изжитых обычаев и нравов. Звучит как анекдот, но является былью история о том, как жена видного советского дипломата родом, как и ее супруг, из одной республики Средней Азии, говорила в кругу друзей: «Это в Москве и в Париже я единственная его жена, а у нас дома, на родине, я старшая жена».

В бывших союзных республиках СССР, да и в самой России, сегодня широко распространено мнение, что в течение всего советского периода русское население и русская культура непрерывно распространялись по всей территории Союза. Действительность гораздо сложнее. Последнее крупное переселение этнических русских на территории национальных республик связано с эпохой освоения целинных земель в конце 1950-х гг. В 1970-е гг.,

тем более в 1980-е, наблюдалось численное сокращение этнических русских в Грузии, Азербайджане, Молдавии и в некоторых северокавказских автономных республиках — Дагестане, Чечено-Ингушетии, Северной Осетии, а также в Горно-Алтайской автономной области, Усть-Ордынском и Коми-Пермяцком округах. Это происходило как за счет отъезда, так и за счет естественной убыли этнически русского населения. В целом в РСФСР доля этнических русских в общей численности населения сократилась с 1917 по 1979 г. с 91,5% до 82,6%. Тенденция к ассимиляции в русское большинство практически остановилась. Русские начали выезжать из Прибалтики, Закавказья, Средней Азии, Молдавии задолго до начала Перестройки⁴.

Механизмами позитивной, а не негативной социальной адаптации в России традиционно служили образование и служба в армии. То и другое открывало путь вверх по социальной лестнице для рядового гражданина. Однако служба в армии потеряла свой престиж еще в советские годы. А призыв в нее «тюремного», «лагерного» контингента, начиная с 1960-х гг., превратил саму армию в подобие «зоны». Именно с этого пошла «дедовщина» и прочие пороки армейской службы.

В настоящий момент по данным Международной организации труда (МОТ) приезжающие в Россию на постоянное место жительства мигранты имеют высокий уровень образования: в среднем 18% опрошенных имели высшее или незаконченное высшее образование, и 40% — среднее специальное образование, лишь 16% приезжих не имели полного среднего образования. В дальнейшем качество образования в целом и знание русского языка в частности будут все более значимым фактором успеха приезжих людей в их новой российской жизни.

Роль образования имеет решающее значение и в деле обеспечения вертикальной социальной мобильности, в процессе формирования среднего класса российского общества. В социологических опросах сегодня порядка 40% населения относит себя к среднему классу, что, видимо, не соответствует точным оценкам уровней доходов и потребления, а тем более владения собственностью этими людьми. Принято считать, что доля среднего класса в населении России ближе к уровню 20–25%. Однако это свидетельствует о достаточно высокой самооценке людей и о желании принадлежать к более высокой социальной страте. Речь идет о социальных группах предпринимателей, ученых и преподавателей, государственных служащих.

Если российская деловая и политическая элиты проявят необходимую мудрость и обеспечат обновление своих рядов, то и гражданская самоидентификация наиболее активной части россиян с современной демократической государственностью будет прочной. Система образования была и остается главным социальным лифтом в нашей стране, каковым она сегодня является во всех странах Северо-Запада. Она способна обеспечить молодому человеку необходимые для успеха стартовые позиции в современном гражданском национальном обществе. Одновременно в школе и университете

4. Русские: история и этнография. М., 2008. С. 111–113.

учатся и ответственности, без которой не бывает реальных прав. Показанные в социологических исследованиях ценности, которых придерживается современная студенческая молодежь, достаточно релевантны сегодняшнему этапу развития России.

Специалисты говорят об усилении тревожных симптомов новых социальных заболеваний. С одной стороны, в 2006 г. 26% опрошенных полагали, что они улучшили свои статусные позиции — самый высокий показатель за весь период наблюдений. С другой стороны, по данным исследования «Мониторинг социальных и экономических перемен» в последнем десятилетии происходит сокращение в группе успеха доли тех, кто улучшил свои социальные позиции «потому что мне удастся использовать новые возможности». Нынешние «успешные адаптанты» получают позитивную социальную мобильность главным образом в рамках и в результате принимаемых решений в бюрократическом аппарате, а не благодаря личным усилиям и использования собственных ресурсов. Улучшение позиций отмечали получатели зарплат, пенсий и растущих пособий из бюджетных источников⁵. Если ситуация такой зависимости от иерархической государственной системы закрепится надолго, старые советские болезни могут вернуться. Вот и фигура Иосифа Сталина становится все более популярной — он лечил застой и склероз кровопусканием. России может грозить тягостное втягивание в новый цикл исторического «безвременья», как болезни потери национального чувства времени.

Общество постмодерна, в том смысле, который ему придавал Арнольд Тойнби, постоянно тяготеет к тому, чтобы присвоить себе качества «вневременности» или скорее завершающего этапа времени, когда бег вод реки времени сменяется неподвижностью озерной глади вечного неизменного существования. Культура рубежа XIX и XX веков наполнена вечными темами и сюжетами — время остановило свой бег, пришла пора природной красоты и природных же инстинктивных, чувственных переживаний. Озерная стоячая вода в лучах солнца или бледном свете луны — постоянные излюбленные мотивы.

Нас сегодняшних от того времени отделяет две мировые войны и бессчетное количество национальных революций. Претензии постмодерна на конечный этап исторического развития кажутся глубоко наивными. Однако это не помешало Френсису Фукуяме назвать свою книгу именно «Конец истории». Что-то в духе застоя продолжает носиться в воздухе. Может быть, человеческая усталость от перемен и стремление вернуться в циклическую замкнутость бытия. Но современность не обещает нам передышки в постоянной изменчивости мира, в прогрессе или регрессе, как бы ни было это тяжело.